

— Братец Янь! — Тан Ли, притворившись взволнованной, смахнула несуществующие слёзы, подбежала к Хун Яню и бросилась в объятия.

Наконец-то это позволило скрыть её от испытующих взглядов стариков Хунов. Затем она изобразила насмешливую улыбку и тихо прошептала Хун Яню на ухо:

— Объяснять им всё так терпеливо — это, наверное, было для тебя настоящим испытанием.

Хун Янь вздохнул в душе, но всё же честно признал:

— Я действительно специально пришёл, чтобы объясниться с тобой.

Как и ожидалось, сердце у этого человека было холодным, как она и думала. Тан Ли, вырвавшись из его объятий, из-за присутствия стариков Хунов не проронила ни слова больше.

Старики Хуны, наконец-то дождавшиеся возвращения сына, поспешили засуетиться, собираясь приготовить на ужин обильное угощение. В этот промежуток Хун Янь последовал за Тан Ли в бамбуковую рощу, где играл панда-малыш.

Как раз в это время Пустота сидел у порога своего дома, протирая искусно изготовленный арбалет. Увидев, что за Тан Ли идёт Хун Янь, он явно замер.

Взгляд Хун Яня тоже задержался на Пустоте.

Пустота сначала вспотел от волнения, но, вспомнив, что уже принял пилюлю сокрытия облика, всё же, собравшись с силами, встал и кивнул Хун Яню в знак вежливого приветствия. Они были знакомы друг с другом, и если бы Хун Янь узнал, что он на острове Летучих Цветов, то от Линь Юэцзяня это уже не утаить.

Тан Ли сказала Пустоте:

— Кажется, управляющий тебя ищет.

Пустота понял, что Тан Ли помогает ему уйти, поэтому, отложив арбалет, пустился наутек, не оглядываясь.

Теперь в бамбуковой роще наконец остались только они двое. Шелестел ветер, вечерние облака были пропитаны лёгким ароматом бамбуковых листьев.

Хун Янь заговорил первым:

— Я не то чтобы не хотел вернуться. Просто чувствовал, что ещё не время. Потому что тогда у тебя не было особого желания последовать за мной для развития в Бэй Му, и я боялся... что моё присутствие заставит тебя чувствовать себя беспокойно.

Поскольку в то время у Тан Ли была сильная подозрительность, если бы он насильно остался, мог бы вызвать у неё настороженность и неприязнь. Лучше было позволить наёмникам столкнуть себя в бурные воды реки, оставив место для тоски друг по другу. Плюс ко всему, миссия по получению титула Князя Яня тоже подошла к самому ключевому этапу, большая часть сил Бэй Му была почти в руках, поэтому он принял решение уйти и не возвращаться первое время.

Затем ему потребовалось время, чтобы привести в порядок полученные владения. Но когда фигура Лоу Тинфэна неожиданно появилась в поле зрения, он не смог больше сдерживаться.

И вот теперь эта неловкая ситуация лицом к лицу — он предвидел её, когда насильно удерживал персонажа Лоу Тинфэна, но единственное, в чём он ошибся, было то, что не он первым раскрыл свою личность, а по стечению обстоятельств на пиру это обнаружила Тан Ли.

Этот краткий промежуток времени сделал его крайне уязвимым.

Более того, он не знал, что будет так заботиться о чувствах игровых НПС — того него внутри персонажа Тан Ли.

Как может быть такой мягкий человек?

В сердце Хун Яня странно зашевелилось волнение, словно он откопал ещё одну тайну, известную только ему — этот человек, будучи Лоу Тинфэном, был остроумным и интересным, а играя женским аккаунтом Тан Ли, становился наивно-милым. Эти черты, волшебным образом усиленные игровыми персонажами с разным опытом, создавали тонкое расхождение с образом этого человека в реальности, делая его более объёмным и глубоким.

Это расхождение не разочаровывало его, а, наоборот, было самым привлекательным.

Как тогда, когда он увидел его впервые — того молодого врача с возвышенной аурой и красивой внешностью, который любил разговаривать, подперев подбородок руками, скрестив длинные ноги, весь такой учтивый. Кто бы мог подумать, что у этого человека в сетевой игре столько новых, неизвестных граней...

В душе Тан Ли вдруг стало немного грустно. Объяснение Хун Яня можно было с натяжкой принять, но в конечном счёте её согласие не требовалось. То, что Хун Янь поспешил на остров Летучих Цветов, чтобы объясниться, уже было редкостью. Она тоже понимала, что слишком глубоко погрузилась в игру, и у неё на самом деле не было права упрекать Хун Яня в холодности.

То, что им было важно, по своей сути отличалось, вот и всё.

И тогда Тан Ли наконец тоже успокоилась и сказала:

— Это уже не моё дело. Я тоже думала, возвращаться или нет — твоя свобода, это твой стиль игры, у меня нет права вмешиваться.

Хун Янь с горькой улыбкой произнёс:

— У меня были свои скрытые мотивы, скрывать это от тебя — моя вина.

— Ладно, я привела тебя сюда, собственно, ещё по одному делу. — Тан Ли поняла: у Хун Яня нет чувств к старикам Хунам, этого не навязать, и не нужно больше цепляться за это, в конце концов, это всего лишь игра. — Ты знаешь, для чего нужен панда-малыш?

Хун Янь кивнул:

— Знаю. Хорошо заботься о нём, он на самом деле очень ценен, приведёт тебя к...

— Оранжевому оружию, — автоматически договорила Тан Ли. — Я уже знаю. И оранжевое оружие здесь, на острове Летучих Цветов. Завтра я начну работы, чтобы освободить его. Забирай его.

Хун Янь застыл:

— Что это значит?

Тан Ли подняла на него взгляд:

— Говорю же, забирай оранжевое оружие. Эта вещь слишком ценная, я не могу её принять.

Если между ними не было стольких переплетений дружбы, то и принимать такой ценный подарок незачем. Оранжевое оружие и остров Летучих Цветов — разные вещи. Остров Летучих Цветов в итоге она сама завоевала по своему плану, а оранжевое оружие — нет.

Кроме того, знал ли Хун Янь, что оранжевое оружие на острове Летучих Цветов? Если он действительно готов был его безвозмездно отдать — хорошо, а если нет, то чтобы избежать неловкости в будущем, лучше сразу здесь прояснить интересы.

Хун Янь выпрямил спину, и в его голосе прозвучала лёгкая холодность:

— То, что я подарил, никогда не забираю обратно.

Наконец он сбросил напускную мягкость, появившуюся ранее. Брови, казалось, хотели нахмуриться, но он изо всех сил сдерживался, отчего уголки глаз непроизвольно задергивались.

На мгновение Тан Ли, глядя на Хун Яня, испытала странное чувство: неужели Хун Янь разозлился?

Чёрные глаза Хун Яня не отражали ничего, они были пугающе глубокими. Однако вскоре его отношение снова смягчилось, он глубоко вздохнул и сказал:

— Оранжевое оружие действительно редкая вещь, но если бы я действительно хотел его, то не оставлял бы всё время рядом с тобой. Раз подарил тебе, значит, оно навсегда твоё. Это касается и нынешнего оранжевого оружия, и всего, что я подарю тебе в будущем...

Услышав эти слова и увидев, что Хун Янь, говоря об оранжевом оружии, не выказывает ни капли нежелания, Тан Ли тайно вздохнула с облегчением. Иметь дело с людьми, у которых глубокие замыслы, — настоящая головная боль. Прямота куда приятнее.

Вечером дядя Хун приготовил стол полный яств, Хун Янь оказал честь, поев с аппетитом, а Тан Ли внешне тоже не проявляла ничего странного.

Тётка Хун, посмотрев на них, после недолгого молчания вдруг тихо опустила палочки и вздохнула:

— Эх, оказывается, Яньер не мой родной сын.

— Пфф! — В этот момент Тан Ли как раз пила куриный бульон, услышав это, она чуть не выплюнула его на Хун Яня и подавилась насмерть. — Кх-кх-кх... кх-кх...

Тётка, вы, однако, чересчур запоздало спохватились...

В глазах Хун Яня мелькнула улыбка, он нежно похлопал Тан Ли по спине.

— Тогда у меня и твоей тётки был сын, но, к сожалению, шалун, зимой сам убежал в горы играть и больше не вернулся. В то время твоя тётя, тоскуя по сыну, была в смятении, в отчаянии и скорби. Пока я не принёс домой подходящего по возрасту Яньера, она не воспряла духом, решив, что родной сын вернулся. — Дядя Хун покачал головой и вздохнул.

Теперь, когда статус Хун Яня крайне высок, он больше не человек семьи Хун.

— Ты ещё помнишь, чтобы навестить нас, мы уже очень довольны.

У Тан Ли на лбу выступили невидимые чёрные линии: это, наверное, установки системы.

— Нечем отплатить за милость воспитания. — Но у Хун Яня действительно была наглая способность говорить с потусторонним о потустороннем. — Старшие воспитывали меня больше десяти лет, теперь пришло время мне проявить сыновнюю почтительность.

Тан Ли с немым укором смотрела на него: разве, говоря такое, он не чувствовал стыда, неловкости и не страдал от приступов неловкости?

Хун Янь слегка улыбнулся, думая про себя: когда я заигрывал с тобой тогда, говорил и более слащавые вещи, что тут такого.

На следующее утро прошёл ливень с грозой. Хотя он как раз хорошо пропитал и разрыхлил землю, небо после дождя казалось покрытым грубой тканью, не пропускающей тёплый солнечный свет. В такую пасмурную погоду невольно становилось тревожно.

<http://bllate.org/book/15606/1393526>